

Матушка Шао явно приняла близко к сердцу слухи о том, что Се Моюнь не справляется со своими супружескими обязанностями.

Едва рассвело, и Ши Жосянь успел лишь выбраться из-под одеяла, как ему тут же доставили снадобья для укрепления почек и смягчения горла. Под пристальным и полным ожидания взглядом слуг Се Моюнь поднял руку и осушил чашу до дна.

В отличие от черного и вязкого отвара, который пил он, Ши Жосяню достался теплый и сладкий суп из снежной груши и белого древесного гриба. Ши Жосянь проглотил ложку — вкус был отменный. Но вот оскорбление — еще сильнее.

Как ему объяснить, что тот развратный крикун, что надрывался прошлой ночью, был вовсе не он, а проделки этого паршивого кота-извращенца? Ши Жосянь пил сладкий суп, чувствуя себя так, будто глотает яд.

Про себя он подумал: вечно этот паршивый кот пытается меня подставить.

Служанка забрала пустую чашу и, уходя, одарила Ши Жосяня улыбкой:

— Если что-то понадобится, можете смело обращаться к этой рабе.

Когда Лабицинъ ушла, Ши Жосянь усмехнулся:

— Ишь ты, велела ей одевать меня.

Когда он улыбался, в нем проступала та самая юношеская непосредственность, которую он так старательно пытался скрыть. Се Моюнь промолчал. Помолчав немного, он обратился к Лабицинъ:

— Пока ничего не нужно, иди.

— Все еще злишься? — спросил Ши Жосянь.

Лабицинъ, одетая в розовое, двигалась легко и изящно, словно фея. Она говорила на чистом ханьском, четко выговаривая слова.

— Наложница Ли выбрала меня именно за знание языка, — продолжала она. — В будущем я смогу учить вас ханьскому.

Она не произнесла ни слова лишнего, но ее многозначительный взгляд говорил сам за себя.

— Не учись у нее ничему, — отрезал Се Моюнь.

Ши Жосянь, вспыхнув от стыда и гнева, уставился на усмехающегося Се Моюня:

— Не смей на меня смотреть!

С трудом проводив Се Моюня, Ши Жосянь опустил взгляд на свое сегодняшнее платье. Учиться хорошему трудно, а вот дурному — в два счета. Но стоило ему улыбнуться, как он становился совсем другим человеком.

Надеть все слои юбки-жуцунь так, чтобы они лежали ровно, было сложнее, чем решить задачу по математике.

— Одежда еще... Ты сам-то научился одеваться? — спросил Се Моюнь перед уходом.

Ши Жосянь оттолкнул его, проворчав:

— Иди уже, радуйся, кто тебя просил вмешиваться?

Се Моюнь перехватил его запястье и взял деревянный гребень:

— Так ты только сильнее запутаешь волосы.

Проделки кота — а расплачиваться ему. Се Моюнь накрутил на палец прядь волос, спадавшую на лицо Ши Жосяня:

— Если я не буду вмешиваться, ты сам справишься?

— Ну вот, теперь моя репутация окончательно погублена.

Пока Ши Жосянь размышлял, в комнату вошла фигура. Се Моюнь, чьи глаза до этого светились насмешкой, теперь улыбался уже всем лицом.

— У меня, кстати, неплохой ханьский, — кивнул Ши Жосянь.

Волосы у него были густые и длинные, от одной мысли об укладке становилось не по себе. Но почему ему кажется, что Се Моюнь ему угрожает?

— Тогда вопросов нет, — ответил Лабицин, до этого не имевшая в поместье никакой работы, и поклонилась обоим.

— Откуда ты так хорошо знаешь ханьский? — спросил Ши Жосянь.

— Из Цилу, — ответила Лабицин.

Ее речь была настолько правильной, что нельзя было даже заподозрить в ней чужеземку, к тому же она мастерски владела сложными оборотами.

— Очень правильный ханьский, — заметил Се Моюнь, — после отъезда из Цилу я не слышал ничего подобного.

Это было правдой. Стремясь выглядеть солиднее, Се Моюнь редко проявлял эмоции. Он опустил взгляд на ресницы Ши Жосяня:

— Ты можешь попросить кого-то помочь, но если кто-то узнает, что принцесса на самом деле мужчина, объясниться будет непросто.

Се Моюнь впервые улыбнулся, и это была улыбка злорадства. Ши Жосянь проигнорировал его и направился к туалетному столику. Когда Се Моюнь достал это платье, Ши Жосянь сразу забраковал его за слишком розовый цвет. Но Се Моюнь уверял, что оно легкое и удобное. Возможно, из-за уверенного тона Се Моюня Ши Жосянь ему поверил.

Но сейчас, присмотревшись, он понял: не слишком ли оно... девчачье? И не слишком ли туго затянут пояс?

Ши Жосянь дернул за пояс, пытаясь его ослабить. Эту сцену застала матушка Шао. Она в три шага подскочила к нему и перехватила его руки:

— Что же вы делаете?

— Слишком туго, — честно ответил Ши Жосянь.

— Даже если туго, нельзя так себя вести! Средь бела дня, если кто увидит — это же против всех приличий!

Матушка Шао высоко подняла принесенную с собой книгу с четкой надписью Наставления для женщин на обложке:

— Я так и знала, что вы не знакомы с правилами поведения для замужних женщин в Даци. Сегодня я обязательно обучу вас правилам.

Трижды за три фразы она упомянула правила. Ши Жосянь невинно похлопал глазами:

— О, правда? Не верю.

Матушка Шао была полна уверенности:

— Не беспокойтесь, супруга девятого принца, одного дня хватит.

Едва Се Моюнь вернулся в поместье, как к нему бросилась взволнованная Лабицинъ:

— Скорее, девятый принц, беда!

Се Моюнь нахмурился:

— Что случилось?

— Матушка Шао и супруга девятого принца в спальне, они... они...

Лабицинъ задыхалась, а Се Моюнь уже широкими шагами направлялся к покоям. Услышав изнутри всхлипывания, он изменился в лице и распахнул дверь:

— Сянь-Сянь!

Ши Жосянь удивленно распахнул невинные глаза. В них блестели слезы, но щеки были сухими. Се Моюнь замер. Откуда же тогда был плач? Из другого угла комнаты донесся истошный вопль:

— Девятый принц! Девятый принц, вы должны заступиться за старую слугу!

Матушка Шао, полулежа на столе, левой рукой сжимала Наставления для женщин, а правой прижимала грудь. Даже во время пожара она не позволяла себе растрепать прическу, а сейчас ее волосы сбились в ком.

— Что здесь происходит? — спросил Се Моюнь.

— Она хотела учить меня правилам, — ответил Ши Жосянь, — но в процессе обучения ее вот так переклинило.

— Какие правила! Девятый принц, вы даже не представляете, что она наговорила! — Матушка Шао при одной мысли о разговоре с Ши Жосянем почувствовала дурноту. Ее губы дрожали от гнева и ужаса: — Я просила ее повторить добродетели и обязанности жены, а она заявила, что женщины держат половину неба, и призвала всех женщин мира подняться и состязаться с мужчинами!

— А дальше? — спросил Се Моюнь.

— Она еще сказала, что женщинам нельзя баловать мужчин, что все мужчины — негодяи, и что только если повесить их на стену, они станут смирными. Я лишь повторила эти слова и почувствовала, как потеряла пятьдесят лет заслуг перед Буддой!

— Напиши единичку, чтобы Будда тебя простил, — пробормотал Ши Жосянь.

Матушка Шао побледнела, ее слова стали невнятными, но она не сдавалась:

— Супруга девятого принца, это Даци, а не Лоулань! Нужно знать свое место!

Ши Жосянь нахмурился:

— Это поместье девятого принца, я — супруга девятого принца, и здесь правила устанавливаю я.

Матушка Шао затряслась:

— Ты... ты хочешь перевернуть небо?!

— Первое правило, которое я установлю: запрещено подслушивать под дверью.

Тон Ши Жосяня был ровным, но матушка Шао была настолько оскорблена и унижена, что не могла вымолвить ни слова. В конце концов Се Моюнь приказал слугам ее увести.

Закрыв дверь, Се Моюнь тяжело вздохнул и тихо позвал:

— Сянь-Сянь.

Ши Жосянь прервал его жестом:

— Подожди.

Он подцепил двумя пальцами брошенные матушкой Шао Наставления для женщин и с силой швырнул их в окно.

— С глаз долой, культурный мусор, — отряхнул руки Ши Жосянь, а затем посмотрел на Се Моюня: — Ты собираешься ее защищать?

Се Моюнь покачал головой и достал из рукава бумажный сверток:

— Свежие пирожки с крабовым мясом, из первой партии, с самой нежной начинкой...

Ши Жосянь хотел было сопротивляться, но его взгляд уже был прикован к свертку. Даже через плотную бумагу просачивался аромат, дразнящий аппетит.

— Они горячие? — спросил он.

Се Моюнь коснулся свертка тыльной стороной ладони и шикнул. Ши Жосянь сглотнул слюну:

— Все еще обжигают.

Се Моюнь развязал ленту, и облако пряного аромата заполнило комнату. Терпение Ши Жосяня лопнуло, он с яростью ударил по столу:

— Что ты от меня хочешь? Говори быстрее!

Раздался резкий звук — пояс, туго стягивавший талию Ши Жосяня, лопнул, и воротник, лишившись фиксации, распахнулся до самого живота. Только тогда Се Моюнь заметил, что у Ши Жосяня, помимо двух красных точек, в пупке красуется пирсинг. Красный камень блестел, притягивая взгляд.

Теперь настала очередь Се Моюня сглатывать ком в горле. Его взгляд стал затуманенным.

— Матушка Шао — чужой человек, поэтому нужно быть предельно осторожным, — пробормотал он.

Ши Жосянь, краснея, сорвал с талии обрывки пояса и швырнул их прямо перед Се Моюнем:

— А я говорила, что затянуто слишком туго!

Как позже объяснил Се Моюнь, он давно подозревал, что матушка Шао — шпионка, подосланная чужаками, поэтому и велел быть с ней осторожнее. Ши Жосянь внешне согласился жить с ней мирно, но в душе затаил обиду.

Ши Жосянь, Скорпион по гороскопу. Его записная книжка с именами тех, кому он хочет отомстить, была заполнена до отказа. Просто так это не закончится.

Поэтому в один из дней, когда Се Моюня не было дома, Ши Жосянь тайком позвал Сюн Чумо, который всегда его охранял.

— Можешь сделать для меня кое-что?

Сюн Чумо опустился на одно колено:

— Слушаю приказаний супруги девятого принца.

Ши Жосянь прочистил горло:

— Но прежде я должен проверить, насколько хороши твои боевые навыки.

— Как именно вы хотите это сделать? — спросил Сюн Чумо.

Ши Жосянь окинул его взглядом:

— У вас, мастеров боевых искусств, ведь всегда есть мозоли?

Сюн Чумо протянул руки — пальцы были длинными и сильными, а места между большим и указательным пальцами покрывали толстые мозоли.

— Впечатляет, — Ши Жосянь притворно перевернул его ладонь, — а в других местах есть?

Сюн Чумо замялся, подумал и ответил:

— Что именно вы хотите проверить?

Ши Жосянь хитро прищурился:

— Если ты императорский страж, мастер боевых искусств, то не набиваются ли мозоли на груди?

Сюн Чумо был одет во все черное, ткань была тонкой и облегающей. Согласно канонам романов, это нужно для скрытности и легкости передвижений. Но, увидев это воочию, Ши Жосянь усомнился: неужели автор так пишет, потому что любит смотреть на красавчиков в обтягивающем? Старый извращенец, попался! Но мне тоже нравится.

— Нет, — смущенно ответил Сюн Чумо.

— Ничего, дай мне проверить, — не унимался Ши Жосянь, — что же ты такой стеснительный, неужели даже этого не можешь позволить?

— Дело не в этом... — Сюн Чумо запнулся, посмотрел куда-то за плечо Ши Жосяня и прошептал: — Девятый принц у вас за спиной.

<http://bllate.org/book/19091/1874925>